

Чигирин Кирилл Александрович,

аспирант,

г. Санкт-Петербург

**БИОПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ
РИСКАМИ: КОНЦЕПЦИЯ МИШЕЛЯ ФУКО В АНАЛИЗЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается применение концепций биополитики, правительственности и аппаратов безопасности Мишеля Фуко к анализу муниципальных практик социальной поддержки населения в России. Раскрывается двойственная природа государственной заботы, которая на декларативном уровне утверждает социальные права, а на операциональном — оборачивается механизмами биополитической категоризации, надзора и нормализации. Анализируются такие феномены, как превращение получателя помощи в объект знания и учета («кейс»), функционирование институтов медико-социальной экспертизы в качестве фильтрационных аппаратов и дисциплинарное конструирование пространства социальной защиты. Особое внимание уделяется дефицитарной версии биополитики в условиях недофинансированного социального государства, где нехватка ресурсов оправдывает ужесточение критериев отбора и властных практик исключения.

Ключевые слова: биополитика, Мишель Фуко, правительственность, аппараты безопасности, муниципальное управление, социальная поддержка, категоризация населения, социальные риски, нормализация, биовласть.

Abstract. The article applies Michel Foucault's concepts of biopolitics, governmentality, and apparatuses of security to analyze municipal social support practices in Russia. It reveals the dual nature of state care, which declaratively asserts social rights but operationally turns into mechanisms of biopolitical categorization, surveillance, and normalization. The paper examines phenomena

such as the transformation of aid recipients into objects of knowledge and accounting (“a case”), the functioning of medical and social expert institutions as filtering apparatuses, and the disciplinary construction of social protection spaces. Special attention is paid to the deficit-driven version of biopolitics under an underfunded social state, where a lack of resources justifies stricter selection criteria and exclusionary power practices.

Keywords: biopolitics, Michel Foucault, governmentality, apparatuses of security, municipal governance, social support, population categorization, social risks, normalization, biopower.

Фуко различает три типа власти: суверенную (право забирать жизнь или давать ей течь), дисциплинарную (технологии, направленные на индивидуальное тело) и биополитическую (регуляция населения как массы) [2, с. 32]. Дисциплинарная власть работает с телом-инструментом, биополитическая — с телом-видом, воздействуя на рождаемость, смертность, заболеваемость, миграцию. Фуко подчёркивает, что речь идёт не о смене одной формы власти другой, а о «достраивании» более ранних форм более поздними [2, с. 36]. Власть, по Фуко, вездесуща и пронизывает все сферы жизни общества [3, с. 35]. Основная задача биополитической власти — исследование групп населения по параметрам рождаемости, здравоохранения, продолжительности жизни, преступности. Следующим шагом должна стать реорганизация общества на основе полученных данных [3, с. 19].

Применительно к муниципальному управлению наиболее продуктивно понятие «правительственности» (governmentality), объединяющее технологии господства над другими и технологии самоуправления. Фукольдские концепты позволяют исследовать две центральные проблемы социальной работы — наблюдение (surveillance) и дискрецию (discretion), которые эпитомизируют дуализм властных отношений [4, с. 6]. Наблюдение приносит проблематичный процесс управления сверху вниз, дискреция фокусируется на «микрофизике власти», открывая возможности для сопротивления снизу вверх [4, с. 15]. Социальная работа на муниципальном уровне помещена в

парадоксальную структуру, где профессиональная экспертиза сохраняется как элемент управления населением, но включается в механизмы, ограничивающие её автономию [4, с. 11].

Муниципальная социальная политика предстаёт как арена действия аппаратов безопасности (*appareils de sécurité*), которые Фуко отличает от дисциплинарных механизмов. Суверенная власть оперирует законом и запретом, дисциплинарная — нормализацией и надзором, аппараты безопасности работают с вероятностями и рисками. Их инструменты — статистика, демография, актуарные расчёты. Примером такого аппарата Фуко считает государство всеобщего благосостояния (*Welfare State*). В «Рождении биополитики» он показывает, как *Welfare* возник как ответ на кризис классического либерализма, а затем как движущая сила утверждения социальных прав [5, с. 3]. Государство благосостояния создаёт биополитический аппарат, центрированный на технологиях социальной безопасности. Цель — сделать жизнь населения безопасной от рисков болезни, старости, необеспеченности. Посредством «социализации рисков» государство намеревается управлять жизнью населения [5, с. 18].

Для Фуко важно, что через план Бевериджа «концепция государства на службе здорового индивида заменяет концепцию здорового индивида на службе государства» [5, с. 34]. Происходит инверсия: если ранее гарантия здоровья означала сохранение государством рабочей силы и военной мощи, то с планом Бевериджа здоровье стало пониматься как объект озабоченности для индивидов. «Право человека поддерживать свое тело в хорошем здоровье становится объектом государственного действия» [5, с. 44].

Этот сдвиг имеет значение для понимания российских муниципальных практик. На декларативном уровне российская система социальной поддержки воспроизводит логику, уловленную Фуко: государство заботится об индивиде как о носителе права на достойную жизнь. Однако на операциональном уровне эта забота оборачивается биополитическим управлением: категоризацией получателей помощи, их распределением по группам риска, нормализацией

поведения через процедуры подтверждения статуса. В российской практике категории «инвалид», «малоимущий», «безработный» функционируют не как юридические фиксации особого статуса, а как биополитические метки, включающие индивида в режим наблюдения, отчётности и контроля. Перечень документов для получения пособия — это технология производства «прозрачного» субъекта, чья жизнь становится объектом знания и власти. Фуко отмечал, что знание и власть взаимосвязаны: знание питает власть, не может быть власти без знания; именно поэтому проводятся статистические обследования, собирающие информацию о населении [6, с. 20]. Эти практики на муниципальном уровне превращают получателя помощи из гражданина в «кейс» — единицу учёта, подлежащую верификации.

В российской муниципальной практике обнаруживается и «биополицейский» (bio-police) аппарат — совокупность институтов, направленных на поддержание порядка через контроль над жизнью населения. На муниципальном уровне это проявляется в требованиях вести «здоровый образ жизни», в проверках жилищных условий, в контроле за целевым расходованием пособий. Муниципальные комиссии по делам несовершеннолетних, медико-социальные экспертизы выполняют функцию биополитической фильтрации, отделяя «нормальных» от «аномальных». Статистика и демография становятся инструментами оценки, биополитические практики служат основой для управленческих решений [6, с. 18]. Российская система Единого государственного реестра социального обеспечения представляет собой материализацию фукольдианского идеала: население становится множеством индивидов, существующих биологически связанными с материальностью, в которой они живут [6, с. 6].

Сложность российского случая в том, что биополитический аппарат развёрнут в условиях «недофинансированного социального государства». Когда субвенции не покрывают минимальных потребностей, муниципальные управления вынуждены вводить дополнительные критерии отбора, ужесточать процедуры, создавать приоритетные категории. Получатель

помощи оказывается в положении «просителя», доказывающего, что его случай достоин исключения из рыночной саморегуляции. Практика «ежемесячного подтверждения дохода», «переосвидетельствования» инвалидности — это аппараты безопасности в дефицитарной версии: они управляют доступом к скудным ресурсам через механизмы исключения. Как отмечают исследователи, концепция биополитики в России не обрела теоретического наполнения, но эмпирические практики существуют, описываясь в нейтральном языке «социальной защиты» [3, с. 29].

Наконец, фукольдianский анализ позволяет выявить технологию «включения/исключения», связанную с пространственной организацией власти. Управление пространствами на основе методов включения/исключения способствует распространению одних форм поведения и исключению других как угрожающих безопасным пространствам [7, с. 10]. Регулирование пространства влияет на свободу людей, задавая рамки поведения в интересах государства [7, с. 13]. Включение субъектов, заботящихся о здоровье, задаёт рамки в соответствии с биополитическими целями государства; исключается нежелательное или угрожающее здоровью поведение [7, с. 16]. В результате формируется биокультурная идентичность, ощущение «своих», и отвергаются «другие» [7, с. 22]. Этот механизм действует в любом муниципальном пространстве социальной поддержки — от очередей до электронных порталов. Сам интерфейс получения помощи конструирует «дисциплинарное пространство», где получатель обучается правильному поведению и вписывается в биополитический порядок.

Заключение

Применение концептуального аппарата Мишеля Фуко к анализу российского муниципального управления в социальной сфере позволяет выявить три властных механизма, не фиксируемых традиционным анализом. Во-первых, это механизм биополитической категоризации, при котором категории «уязвимости» и «нуждаемости» функционируют как технологии селекции. Во-вторых, это механизм аппаратной безопасности, при котором

системы учёта превращают людей в единицы базы данных. В-третьих, это механизм дисциплинарного включения, при котором доступ к благам обусловлен принятием нормативных моделей поведения. Российская муниципальная система декларирует помощь «наиболее уязвимым», но на операциональном уровне разворачивает эти механизмы в дефицитарной версии, где нехватка ресурсов оправдывает ужесточение критериев отбора, а гуманитарная риторика маскирует властные отношения.

Литература

1. Foucault M. The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–79. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. — 370 p.
2. Foucault M. Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–78. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. — 417 p.
3. Реутов Е.В. Биополитика как форма власти в современном обществе риска // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2016. — № 4. — С. 5–15.
4. Chambon A.S., Irving A., Epstein L. Reading Foucault for Social Work. — New York: Columbia University Press, 1999. — 320 p.
5. Procacci G. The Social Economy of Risk // Risk and Society / ed. by D. Denney. — London: Routledge, 1998. — P. 232–245.
6. Dean M. Governmentality: Power and Rule in Modern Society. — 2nd ed. — London: SAGE Publications, 2010. — 304 p.
7. Хоссейни Л. Управление пространством в московских парках как конструирование биополитической и биокультурной идентичности // Журнал исследований социальной политики. — 2023. — № 2. — С. 6–25.